

А. Г. Гребенщикова

Харьковская гимназия № 116

Роль и функции интертекста в интернет-постах Татьяны Толстой

О. Г. Гребенщикова «Роль і функції інтертексту в інтернет-постах Тетяни Толстої. В статті розглядається інтернет-пост як особливий жанр сучасної літератури. Аналізуючи пости Т. Толстої, автор характеризує їх як художньо-публіцистичну єдність. Потужний інтертекстуальний шар є одним з жанроутворюючих ознак інтернет-посту в творчості письменниці, а широкий діапазон претекстів дозволяє говорити одночасно як про «масовість», так і про елітарність її художньо-публіцистичних текстів. Класична література сприймається як своєрідний міфологічний фон, який допомагає пояснити будь-яку життєву ситуацію.

Ключові слова: інтернет-пост, інтертекст, художня публіцистика, прецедентний текст.

А. Г. Гребенщикова Роль и функции интертекста в интернет-постах Татьяны Толстой. В статье рассматривается интернет-пост как особый жанр современной литературы. Анализируя посты Т. Толстой, автор характеризует их как художественно-публицистическое единство. Мощный интертекстуальный слой является одним из жанрообразующих признаков интернет-поста в творчестве писательницы, а широкий диапазон претекстов позволяет говорить одновременно как о «массовости», так и об элитарности ее художественно-публицистических текстов. Классическая литература воспринимается как своеобразный мифологический фон, помогающий объяснить любую жизненную ситуацию.

Ключевые слова: интернет-пост, интертекст, художественная публицистика, прецедентный текст.

A. G. Grebenshikova Role and functions of intertextuality in internet-posts by Tatyana Tolstaya.

The article is aimed to investigate internet post as a special genre of modern literature. By analyzing posts written by T. Tolstaya author characterizes them as artistic and publicistic unity. Powerful layer of intertext is one of the main attributes of internet post's genre genesis in the creative work of the writer, while the wide range of pretexts indicates that her art essays are oriented to a large audience and upmarket at the same time. Classic literature is perceived as special mythological background that helps explain any real-life situation.

Keywords: internet post, intertext, art essays, precedent text.

Современный этап развития литературы ознаменовался рождением такого жанра, как интернет-пост. Гуманитаристика еще не выработала научный аппарат для интерпретации этого понятия, поскольку до недавних пор ценность и художественность интернет-высказываний признавалась сомнительной, а сами они воспринимались столь «несерьезно», что вести научные дискуссии на данную тему было затруднительно. Однако обращение к жанру поста именитых писателей (Татьяна Толстая, Александр Иличевский, Григорий Чхартишвили и др.) и новых авторов, изначально работающих в жанре интернет-поста (Лора Беловиван, Джон Шемякин и др.), способствовало активизации интереса исследователей [1; 2; 5; 6; 7]. Таким образом, можно говорить о новом этапе развития литературного процесса, который формируется в условиях интернета. Задачей настоящей статьи является уяснение роли и функций интертекста в интернет-постах Т. Толстой.

В самом общем смысле пост (от англ. post – запись) – это сообщение, сделанное на странице форума или социальной сети. Однако с учетом литературоцентричной традиции нашей культуры

эта запись зачастую перерастает в текст, обладающий признаками художественности. Разумеется, пост скорее публицистичен, чем литературен: это живой отклик на текущие события. Однако исследователи подчеркивают, что пост является гибридным, пограничным жанром: к нему применимы термины «художественная публицистика» (Г. Прохоров) [8] или «эссеистика» (М. Эпштейн) [11]. Можно сказать, что общая для художественного текста и поста цель (выражение авторской интенции) достигается разными способами. Пост, как правило, остроактуален, динамичен и интерактивен, а художественный текст нуждается в дешифровке, обладает сложной структурой, собственным внутренним миром, обращен к вечным вопросам человеческого бытия.

Татьяна Толстая – писатель, наиболее активно использующий новые формы функционирования литературы. Выдержав творческую паузу после выхода романа «Кысь» (2000), она публиковала тексты сначала в «Живом Журнале», а затем, с 2007 года, и в Фейсбуке [10]. Писательская деятельность Т. Толстой в интернете сегодня оценена не только пользователями, но и исследователями (прежде всего – А. Генисом) [2; 3]. «Смена оптики», о

которой говорит И. Сурат применительно к новому этапу творчества Т. Толстой, оказалась адекватна именно интернет-постам: автор переходит от третьего лица к первому, отказываясь от «фикшна» [9]. Позднее многие из этих текстов будут включены в сборник «Легкие миры», но изначально они представляли собой посты писательницы в Фейсбуке.

Большинство текстов Т. Толстой, оформленных как посты в ФБ, представляют собой единство художественного и публицистического начал. Написанные зачастую «на злобу дня», они оказываются глубокими и значительными по содержанию, обнаруживая вполне узнаваемые признаки авторской стилистики и поэтики.

Одной из наиболее ярких особенностей интернет-постов Т. Толстой является их повышенная интертекстуальная плотность. По аналогии с «филологическим романом» тексты писательницы вполне можно считать «филологической прозой». Художественный мир Т. Толстой так или иначе ориентирован на литературу: автор поверяет ею поступки и мысли не только героев, но и свои. Часто «чужое слово» – цитата – бывает вписана настолько органично, что непросвещенный читатель не может догадаться о ее авторстве.

Литературой оказывается пропитано все. Эпизод из жизни в съемной квартире, когда испанский сосед не смог заменить перегоревшие пробки из-за невысокого роста, сопровождается словами Тютчева: «„Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет, но не может“, – писал Тютчев по, в общем-то, аналогичному поведению» [10]. Авторский комментарий проводит неожиданную параллель между бытовым и бытийным, с одной стороны, как будто профанируя поэтическую строку, ставшую идиомой, с другой – подчеркивая универсальность, всемерность поэта, адекватность его строк любой жизненной ситуации. Сходен принцип построения другого короткого поста: «Блокирую тут одного, а ФБ сообщает: „Извините! Система блокировки перегружена!“ Первый раз такое вижу. Видимо, степень взаимной нетерпимости дошла до предела. Рука бойцов колоть устала, И ядрам пролетать мешала Гора кровавых тел» [10]. Ироническое цитирование хрестоматийных строк Лермонтова отвечает природе виртуальной действительности: море крови и смерть в интернет-мире легко аннулируются при новой попытке преодолеть игровой уровень, а потому не могут восприниматься трагически.

Другие не менее узнаваемые лермонтовские строки служат для снятия оппозиции свой/чужой: «Сняли в Париже квартиру у каких-то. А там на стене – портреты предков. И один – военный. Похоже, что это эпоха наполеоновских войн. Но

какие именно годы? Что за мундир? Какой род войск? <...> Скажи-ка, дядя, это Бородино, может быть? <...> Кто поможет?» [10]. Писательница, которую в комментариях часто злобно-завистливо именуют графиней, просит помощи у френдов и маркирует общность интересов лермонтовской цитатой.

Отдельную разновидность составляют тексты Т. Толстой, где автор задумывается об истоках русского национального характера. Здесь есть посты, интертекст которых включает не только литературные произведения, но и фольклорные тексты, и осмысление культурно-исторических реалий. Рассуждая о фразах, которые удалось произнести разбитому параличом Ленину в последние месяцы жизни, Т. Толстая акцентирует слово «что?»: «По-видимому, <...> «что?» – сложное, композитное чувство. <...> Что делать? Кто виноват? Русь, куда несешься ты? Третьим будешь? Ты меня уважаешь? Что ты жадно глядишь на дорогу? У вас вай-фай есть?» [10]. Соединяя в вопросах, задаваемых без пауз, на едином вдохе, совершенно разнородные явления и понятия, Т. Толстая пытается уловить самую суть народного характера, которая высвечивается на пересечении «роковых» вопросов русской литературы, национально-бытовых пристрастий и причастности к современной сетевой жизни.

Среди литературных ориентиров писательницы следует выделить гоголевско-щедринско-булгаковскую традицию. Хлесткий, ироничный слог ее постов не оставляет читателей равнодушными, а мир, который описывает Т. Толстая, полон оптических ошибок и обманов (отсюда гротескное восприятие действительности, унаследованное ею от Гоголя и Булгакова).

Так, например, рассуждения об аскетизме русской интеллигенции оборачиваются мыслями о том, что аскеза эта вызвана гордыней, показным неприятием пошлости: «Что есть пошлость? Расскажите кто-нибудь, а то лучшие умы уже лет двести как с этим не справляются» [10]. Формулировка вопроса отсылает читателей к М. Булгакову и Библии («Что есть истина?» – вопрос Понтия Пилата), причем здесь важен не столько параллелизм синтаксических конструкций, сколько принципиальная невозможность точного и окончательного ответа. Дискутируя с некой «правнучкой философа», Т. Толстая доказывает невозможность «простого» решения этого философского вопроса и завершает пост, перефразируя Н. Гоголя (без атрибутирования цитаты): «Ответь нам, правнучка! – Нет ответа» [10]. Вспомним, что образ птицы-тройки появляется в «Мертвых душах» в лирическом отступлении автора. Гоголь рассуждает о природе русского человека, не только восхищаясь им (тройка мчится, «вдохновенная богом» [4: 332]), но

и выражая тревогу («что-то страшное заключено в сем быстром мельканье» [4: 331]). Картина, представленная в финале этого отступления, по сути, апокалиптическая: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [4: 332]. Русь в данном случае предстает могучей разрушительной силой, разрывающей самый воздух, и другие государства косятся на нее – очевидно, со страхом и неодобрением.

Посты писательницы максимально ироничны. Лавируя между возвышенным и комическим, частным и общим, Толстая то «заземляет» текст, то вновь универсализирует его, погружая в культурный контекст. Особенно это заметно в постах 2014–2015 годов, посвященных запрету ввоза в Россию импортных продуктов: «Уж сколько их упало в эту бездну. Попрошайтесь с сыроподобным продуктом „Веселая коровка“. Отсмеялась скотинка-то» [10]. Это – авторская оптика, особое видение мира, в котором соседствуют на равных трагические строки Цветаевой и хлесткая ирония по поводу «сыроподобного продукта». Подобным образом выявляется интертекст в посте о походе с подружкой на рынок за сыром: «Не надо сыру, – говорю я, – это все чистое пальмовое масло, всё сварено в одном ведре на Малой Арнаутской, или что теперь служит замещением этой замечательной улицы. Что Маасдам, что Пармезан, что Грюйер – одинаковый муляж. Симулякр» [10]. Обратим внимание, что в одной фразе соседствуют как «массовые» Ильф и Петров, так и «элитарный» Бодрийяр. Позже в этот контекст вписывается «универсальный» Достоевский: сыр называется «Тэт де Муан. Голова монаха, стало быть; название оскорбляет, наверно, кого-нибудь, вот и слава тебе Господи. Хорошо и полезно человеку походить оскорбленным: это оздоравливает и смиряет» [10].

Неподготовленного читателя может шокировать соединение сниженного описания сыра («полугодовой запас сыра повышенной вонючести») с цитатами из Божественного писания. Заветным куском сыра бри автора «одаривает ангел». Запах сыра Т. Толстая сравнивает с другим, не менее сильным, словно ангел «нарвал где-то в Раю охапку гиацинтов с тюльпанами» [10]. Сочетание возвышенного и низменного оказывается настолько нерасторжимым, что их невозможно воспринимать по отдельности: «Кондиционер работает, перемешивая прохладу с сыростью, вонь со сладостью, и вот нате вам, – в моей огромной комнате-студии за ночь создалась атмосфера предбанника при морге: тут вам и труп

типа бри и его братьев, тут и цветочный холм от пришедших проститься» [10]. Гастрономическое удовольствие способно подарить автору минуты наслаждения и ощущение приподнятости над землей («так и висишь в сладком (по сути, трупном. – А. Г.) воздухе» [10]). Финал поста объясняет, почему для Т. Толстой подобное смешение не является кощунственным: «Но у нас, у христиан, смерти нет, и всех простят» [10]. Автор универсализирует смысл конкретной жизненной ситуации, привлекая имплицитно цитату из Иоанна Златоуста: «Смерть, где твое жало?». Здесь утверждается торжество жизни, по сути, – бессмертия. Однако для русского читателя эти слова ассоциируются и с «таинственной» повестью И. Тургенева «Клара Милич», повествующей о размывании границ между жизнью и смертью. Так одна фраза актуализирует серьезнейший слой интертекста. Итогом поста звучат последние слова Толстой, соединяющие телесное и духовное в едином наслаждении: «Буду завтракать клубникой с шестью сырами и слушать что-нибудь струнное с флейтой» [10].

Источники интертекста в постах Т. Толстой разнообразны. Это и библейские тексты, и античная литература, и авторы Ренессанса, и русская классика, и песни (студенческие, бардовские), и соцреалистические тексты. Особое место в этом ряду занимает пушкинский интертекст. Еще в «Кыси» имя Пушкина было символическим («пушкин», «буратина» – именовал его главный герой, делавший деревянную скульптуру первого поэта). В постах же Т. Толстая апеллирует к гению, ощущая нерасторжимое родство с ним: «„Тихо запер я двери, И один, без гостей“, – как писал Пушкин Александр Сергеевич. Мне его не хватает иногда. Думаю, и ему меня иногда тоже не хватает» [10]. Подобную позицию не стоит объяснять гордыней (как сделали это многие комментаторы поста Т. Толстой). Скорее, это знак принадлежности к определенному кругу, избранность которого ощущает писательница. Т. Толстая подчас не называет имени Пушкина, не заковычивает цитаты большей или меньшей степени узнаваемости, не нуждается в «возвышенных» поводах для постов: Пушкин всемерен и адекватен всему, что окружает автора: «Вот так отлучишься на часок, вернешься к компьютеру, а там 99+ извещений. Что такое? – а это кто-то решил облайкать все мои мыслимые фотографии. <...> А я разгребай. Имейте божеское снисхождение, проявите лаконизм. Напишите простенько: всё в вас, Татьяна Никитична, гармония, всё диво, – я вполне этим удовлетворюсь. Тем более, что это правда» [10].

Жизненные контексты, в которые Т. Толстая «вплетает» имя Пушкина («нашего всего», «Александр Сергеевич»), поражают своим

разнообразием. Это может быть пост об изготовлении палки-доставалки для хозяйственных надобностей, завершающийся строками из «Полтавы» («Моя личная, незаменимая доставалка произросла, как ахматовские стихи, из сора. Был у меня такой набор: швабра с длинной ручкой и стоячий совок с длинной ручкой. <...> Я прозрела в них нужнейший предмет, в природе не встречающийся. Так нарождаются новые смыслы! Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат!» [10]).

Другой прецедентный пушкинский текст используется в едком комментарии к посту писателя Захара Прилепина – претендента на получение премии журнала «Сноб», конкурента Толстой: «Захар Прилепин исполошился, что вы, друзья мои и читатели, залайкали меня на „Снобском” голосовании. <...> Не плачь, Захар! Вытри глазки-то. Будет у тебя новое корыто!» [10]. Симптоматично, что Т. Толстая считает Прилепина носителем архаичного сознания, присущего домостроевской Руси. Пушкинский источник – «Сказка о золотой рыбке» – несет в этом смысле особую нагрузку.

Шедевр любовной лирики «Я помню чудное мгновенье» становится для Т. Толстой иллюстрацией низкого качества бутербродов, продающихся в придорожном кафе: «Оглядели полки – время было малокапиталистическое, послекризисное, и ничего хорошего нам предложить не могло. Бутерброд какой-то без божества, без вдохновенья» [10]. С одной стороны, налицо профанирующее остранение пушкинских строк, а с другой – очевиден выпад против «лакированности» этого текста, подчас бездумно заучиваемого не одним поколением школьников и превращаемого в расхожую идиому.

Для любого актуального сюжета Т. Толстая находит подходящую пушкинскую цитату. Предлагая абсурдные рецепты приготовления экзотического мяса (ондатры, дикобраза) в ответ на запрет ввоза в Россию импортной говядины, писательница предлагает окунуться в культурологическую этимологию: «Кстати, по-английски ондатра – muskrat, и народная этимология понимает это как „мускусную крысу”, тем более, что у нее есть мускусные железы <...>. На самом деле, как считается, название это происходит от слова mòskwas (на языке индейского племени абенаки). Mòskwas – как много в этом

звуче для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось» [10]. Незаковыченные строки из «Евгения Онегина» – «энциклопедии русской жизни» заставляют соотносить эпохи, иронически снижая образ современности. Кстати, в каламбурной игре слов Т. Толстая также наследует Пушкину (вспомним эпиграф к одной из глав «Евгения Онегина»: «O rus!...Ног. О Русь!»).

Таким образом, посты Т. Толстой, образуя художественно-публицистическое единство, содержат в себе мощный интертекстуальный слой, оказывающийся одним из жанрообразующих признаков интернет-поста в творчестве писательницы. Интертекстуальные отсылки универсализируют тексты записей и облачают их художественной плотью. Классическая литература воспринимается как своеобразный мифологический фон, помогающий объяснить любую жизненную ситуацию. «Геологическое» строение постов Толстой (наличие сложной и разветвленной системы претекстов) обогащает их, усложняет структуру и сообщает публицистическим темам полновесное художественное начало. По сути, механизм работы интертекста в постах и художественных произведениях принципиально не отличается. Но именно наличие интертекстуального пласта выявляет двуединую художественно-публицистическую природу интернет-поста, вписывает Толстую в литературную традицию (от Василия Розанова до Лидии Гинзбург и Михаила Гаспарова) и в то же время указывает на сложную эстетическую природу ее записей. Наряду с очевидной опорой на предшественников (Гоголь, Щедрин, Булгаков) и конструированием собственной мифологической системы, восходящей к модернистской традиции, налицо – центонное мышление и «свободное» обращение с классической литературой, характерные для постмодернизма. Неатрибутированные отсылки к прецедентным текстам вполне доступны рядовому читателю. В то же время менее очевидные претексты будут замечены лишь искушенной категорией пользователей. Именно поэтому интертекстуальный слой в интернет-постах Т. Толстой позволяет говорить одновременно как о «массовости», так и об элитарности ее художественно-публицистических текстов.

Литература

1. Бабичева А. Открытая мысль : интернет на бумаге [Электронный ресурс] / Анастасия Бабичева // Знамя. – 2012. – № 5. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/5/b31.html>.
2. Генис А. Поэтика Фейсбука [Электронный ресурс] // А. Генис. – Режим доступа : <http://www.svoboda.org/content/transcript/27247869.html>.
3. Генис А. От первого лица : новая проза [Электронный ресурс] // А. Генис. – Режим доступа :

<http://www.svoboda.org/a/25414988.html>.

4. Гоголь Н. В. Избр. соч. В 2 т. Т. 2. / Н. В. Гоголь ; [ред. кол. Алексеев М. П. [и др.]]. – М. : Худож. лит., 1978. – 477 с.
5. Голованова М. А., Абрамова М. И., Пичугина О. Г. О культуре письменной речи в системе Рунет [Электронный ресурс] / Голованова М. А., Абрамова М. И., Пичугина О. Г. // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». – 2008. – Т. 1. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/o-kulture-pismennoy-rechi-v-sisteme-runet>.
6. Костырко С. Сетевая литература [Электронный ресурс] / Сергей Костырко. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/netlib.html.
7. Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О. В. Лутовинова // Изв. РГГУ им. А. И. Герцена. – 2008. – Вып. 71. – С. 58–65.
8. Прохоров Г. С. Поэтика художественно-публицистического единства (на материале литературы периода классического посттрадиционализма) : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» / Г. С. Прохоров. – М., 2013. – 34 с.
9. Сурат И. З. Иногда любовь. Новая проза Татьяны Толстой [Электронный ресурс] / Ирина Сурат // Знамя. – 2014. – № 8. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/8/12s.html>.
10. Толстая Т. Ссылка на профиль в Фейсбуке. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya?fref=ts>.
11. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. шк., 2005. – 496 с.